



Город Чужих

Промышленный

Чужие Игры

Северо-западный гарнизон

Общий пляж

Противо-корабельные сети

Башни

Вниз по течению к Теране

Юго-западный гарнизон

Суд

Мост Рыцарей

Старый

Дворец Колхари

Источник Проритун

Стадион 'Победы'

Королевский мост

Южный

Дворянская улица

Угол Ремесленников

Док



парк

Город

берег

Крысятник

Змеиная яма

КРОЛЬЧАТНИКИ

Королевство

Воры

Хамский стадион

Северо-восточный гарнизон

Навозная Куча

Большой Чамдайджен

Юго-восточный гарнизон

Улица Мошенников

Мост Дураков

Мост Борцов

Улица Мошенников

Улица Богов

Благодарности

Этот роман, на создание которого у меня ушло столько лет, что я даже вспоминать не хочу, состоялся при участии очень многих людей.

Назову лишь основных.

Чарльз Л. Райт, без него не было бы Кейна.

Робин Филдер, которая уговорила меня написать эту книгу, а еще поддерживала меня и словом, и делом, пока я ее писал.

Они двое плюс Пол Кролл, Х. Джин Макфадден, Эрик Коулман, Кен Брикер и Перри Глассер прочитали по крайней мере по одной ранней версии романа и поделились со мной своими мнениями и советами.

Клайву А. Черчу я обязан неоценимой помощью во всех технических вопросах и благодарен за его неистощимое терпение.

Моему агенту Говарду Моргейму я благодарен за неиссякаемый энтузиазм.

Моему неутомимому редактору Эми Стаут спасибо за то, что она заставляла меня переделывать роман столько раз, сколько понадобилось, пока все не получилось.

А еще спасибо моей маме, Барбаре Стовер, — ты наполнила мою жизнь добром, но за одно из его проявлений я благодарен особо.

Спасибо вам, всем и каждому.

Каждый час, по всему миру.

Волосы, разумеется, безукоризненны, точеные скулы загорели до золотистости, в точности как у Свободного, но в тонких, словно иглой прочерченных, линиях вокруг глицериново блестящих глаз читается холодное отчаяние, а губы, движущиеся над зубами безупречной формы и белизны, время от времени кривятся в еле уловимой усмешке, исполненной горького презрения к себе.

— Здравствуйте, с вами Бронсон Андервуд. Десять лет я, бесменный ведущий канала «Обновленное приключение», поставляю в ваш дом лучшие студийные проекты со всего мира. И сегодня я с гордостью предлагаю вам нечто особенное, созданное там, где все началось: на Студии Сан-Францисской компании «Приключения без границ». Итак, только сегодня и только у нас: «Из любви к Паллас Рил». Подарочный набор, ограниченный тираж.

Глицериновые глаза стекленеют от восторга, пока он перечисляет все прелести подарочного набора: фрагменты из «Погони за Венцом Дал'каннита» и «Слуги Империи»; несколько часов «Погони за Шутом Саймоном», включая сцену с закланием Вечного Забвения; интервью с самим Кейном, Паллас Рил и даже Ма'элКотом, говорящим как от своего имени, так и от имени Ламорака.

— ...И наконец эксклюзивно, ограниченным тиражом, прямо из архивов Студии Сан-Франциско: «Когда Часы Жизни остановились!».

Вы, конечно, помните то мгновение, когда Кейн выгнал свою любимую из пылающего полудня на песках арены, обратно на

Землю, в безопасное место. Вы видели это онлайн; возможно, вы даже испытали это вместе с самим Кейном. Теперь вы можете пережить это снова и снова, потому что в тот самый миг, «Когда Часы Жизни остановились!», запись Паллас Рил началась заново.

Наше специальное предложение не будет повторяться; подарочное издание с ограниченным тиражом — ваш единственный шанс пережить это драгоценное мгновение, заглянуть в сердце Паллас Рил, когда та стоит на коленях на площадке Трансфера, спасенная от смерти единственным мужчиной, которого она по-настоящему любила. Это ваш шанс увидеть ее глазами, почувствовать ее чувствами. Ощутить, как слезы текут по ее щекам при взгляде на поверженного героя.

Блеск глицериновых глаз чуть заметно тускнеет — наверное, на них осела пыль, — зато улыбка каменеет, как будто губы растянули и закрепили степлером.

— И для того чтобы отметить это невероятное спасение, Студия предлагает вам аттракцион невиданной щедрости: всякий, кто закажет набор сегодня до полуночи, получит в подарок «Часы Жизни» Паллас Рил в специальном персонифицированном издании!

Калиброванные лучшими учеными Студии на основе вашей текущей информации, взятой из глобальной медицинской базы данных, персонифицированные «Часы Жизни» Паллас Рил будут с точностью до секунды отмерять время вашей жизни! Дизайн этого очаровательного прибора позволит держать его на ночном столике, на вашем служебном месте и даже на кухне...

Рекламный блок, такой длинный, что зрители по всему миру успевают забыть, кто эти люди на экране и почему на них вообще надо смотреть, сопровождается бегущей строкой: «Специальное персонифицированное издание „Часов Жизни“ Паллас Рил не предназначено для предсказания длительности жизни. Создано исключительно в развлекательных целях».

ПРОЛОГ



1

Когда моя рука касается дверной ручки, во мне пробуждается глубоко погребенный страх и учащает сердцебиение: будет больно.

Я набираю полную грудь воздуха и вхожу.

Спальню принца-регента Тоа-Фелатона можно, пожалуй, назвать скромной, если учесть, что парень, который лежит сейчас на кровати, правит второй по величине Империей Надземного мира. Кровать тоже скромная: восемь столбиков, размер — всего пол-акра. Дополнительные столбики из резного тьеррила с розовыми прожилками, толстые, как мое бедро, поддерживают сияющие бронзовые светильники. Длинные языки желтого пламени, острые, словно наконечники копий, покачиваются из-за сквозняка, которым тянет в невидимый с пола потолочный люк. Я неслышно закрываю за собой дверь, и ее обитая парчой поверхность сливается со стеной так, что выхода уже не найти, если не знаешь, где он.

При каждом шаге мои ноги до колен проваливаются в толстый, словно перина, ковер, так что я как будто иду по яркому, сияющему облаку. Вдруг левый глаз улавливает какое-то движение — что-то малиновое с золотом; я пугаюсь, но это оказывается моя ливрея, одеяние слуги, повторенное в литом серебряном зеркале на дверце платяного шкафа. Шкаф сделан из лакированного липканского крима. Зеркало возвращает мне мое зачарованное лицо: светлые рыжеватые волосы, легкий пушок на персиковых щеках. Подмигнув своему отражению, я улыбаюсь ему сухими, будто наждачка, губами, бесшумно перевожу дух и иду дальше.

Принц-регент покоится на подушках, каждая из которых больше всей моей кровати, и мирно храпит. Серебристая бахрома его

усов колеблется при каждом вдохе и выдохе. На могучей груди лежит корешком вверх книга: один из серии романов Кимлартена о Корише. Мои запекшиеся губы снова изгибаются в невольной улыбке, — оказывается, Лев из Проритуна сентиментален. Кто бы мог подумать! Что ж, сказки — развлечение для простаков и отдохновение для умных, для тех, кто непрестанно ощущает всю сложность бытия. Я бесшумно ставлю на столик у кровати золотой поднос. Вдруг принц приподнимается на подушках и, не открывая глаз, поворачивается на бок. Кровь застывает у меня в жилах. Перина на кровати колыхнется, от нее во все стороны плывут волны лавандового аромата. У меня начинает покалывать пальцы. Волосы принца, распущенные на ночь, окружают его голову серебристо-серым венцом. Благородный лоб, ясные глаза, твердый, скульптурный подбородок, который опытный брадобрей нарочно обнажил своим лезвием, оставив пышную бороду вокруг, — именно таким каждый представляет себе благородного владыку. Его конная статуя — та, где он на вздыбленном жеребце, во Дворе богов возле фонтана Проритуна, — прекрасное произведение искусства, памятник на все времена.

Ясные глаза принца вылезают из орбит, когда моя ладонь пережимает ему горло: Профессионалы не тратят времени на бесполезное затыкание рта. Я Профессионал, и потому из его горла вырывается только писк. Попыткам принца вступить со мной в борьбу кладет конец крупный план моего ножа, широкое граненое острие которого повисает в дюйме над его правым глазом.

Я кусаю себя за язык, чтобы слюна смочила пересохшую глотку, и говорю тихо, но твердо:

— Обычай требует сказать несколько слов в такую минуту. Никто не должен умирать без ясного понимания того, за что его убивают. Но я не златоуст, а потому буду краток. — Я склоняюсь над ним, и мы смотрим в глаза друг другу. — Монастыри помогли тебе сохранить Дубовый трон, поддерживая твои дурацкие действия против Липке в Войне Долин. Совет Братьев надеялся, что ты станешь сильным правителем и вернешь им долг, удержав Империю от распада, пока не повзрослеет королева-дитя.

Лицо принца багровеет, вены жгутами вздуваются на шее. Надо успеть договорить, пока он не задохнулся. Я выдыхаю сквозь зубы и продолжаю быстрее:

— Однако они поняли, что ты дурак. Твое штрафное налогообложение ослабляет и Кириш-Нар, и Джелед-Каарн, я слышал,

что прошлой зимой в одном только Каарне десять тысяч свободных крестьян умерли с голоду. Ты расквасил нос Липке из-за железного рудника где-то в Зубах Богов, а теперь грозишься развязать войну из-за двух жалких провинций на востоке. Ты проигнорировал и оскорбил посланцев липканских купцов, и ты же пренебрег всеми наставлениями Совета Братьев. Поэтому они решили, что ты больше не годишься на роль правителя, и неизвестно, годился ли когда-нибудь. Они устали ждать и заплатили мне кучу денег, чтобы я убрал тебя с трона. Моргни дважды, если ты меня понял.

Его глаза выпучиваются так, что, кажется, еще чуть-чуть — и они выскочат из орбит. Ладонью я чувствую, как каменеет его горло. Он шевелит губами, хочет что-то сказать, но голоса нет, а я не мастер читать по губам, поэтому дальше первого «пожалуйста» дело у меня не идет. Впрочем, я и так знаю, что ему нужно: выторговать помилование, а то и приют для жены и двух дочерей. Ни того ни другого я гарантировать не могу; если после убийства разразится война за Престол, то им, как и всем остальным, придется выживать своими силами.

Его глазные яблоки начинают пересыхать, и он все же моргает — один раз. Просто удивительно, как иногда тело работает против человека. По условиям контракта я должен добиться от него полного понимания происходящего, а значит, дожждаться, когда он моргнет во второй раз. В конце концов, он ведь правитель, а смерть правителя должна быть обставлена пристойно.

Направление его взгляда чуть заметно меняется — старый вояка решил побороться за свою жизнь, и сейчас последует последнее напряжение воли, последний призыв к рефлексам в попытке спастись.

Ну что ж, если выбирать между нарушением приличий и встречей со слугами принца-регента здесь, на девятом этаже высоченного дворца Колхари, откуда мне будет не выбраться живым, то приличия отдыхают.

Я вгоняю нож в глаз принца. Хрустят кости, брызжет кровь. Орудую ножом, как рычагом, я быстро отворачиваю его голову в сторону: в окровавленной ливрее мне будет не выбраться из замка. Он бьется подо мной, точно лосось, который, собрав последние силы, прыгнул против течения и вдруг оказался на суше. Но это лишь бессознательная попытка тела вырваться и спастись,

которая, как обычно, сопровождается опорожнением кишечника и мочевого пузыря. Лужа мочи и дерьма растекается по роскошным атласным простыням — еще один древний защитный рефлекс в действии. Так организм говорит хищнику: «Я невкусный!»

Ну и хрен с тобой. Мне же тебя не есть.

Проходит год, а то и два, и принц наконец затихает. Одной рукой я давлю ему на лоб, другой раскачиваю застрявший в глазнице нож. Клинок выходит, шумно скребя кость, и я принимаюсь за самую неприятную часть задания.

Зазубренное лезвие легко разрезает мышцы, но застревает в третьем шейном позвонке. Я выдергиваю его и меняю угол наклона так, что лезвие входит точно между третьим и четвертым позвонком, нажимаю, и через пару секунд голова отделяется от туловища. Металлический запах крови так густ, что забивает даже вонь дерьма. Желудок подкатывает к горлу, становится нечем дышать.

Я снимаю золотую крышку с подноса, выставляю блюда с горячей едой на стол и кладу на их место голову Тоа-Фелатона, осторожно поднимая ее за волосы так, чтобы ни одна капля крови, стекающая с нее, не запачкала мою ливрею. Потом накрываю голову крышкой-куполом, стягиваю окровавленные перчатки и бросаю их на тело вместе с ножом. Руки у меня чистые.

Поставив поднос на плечо, я делаю глубокий вдох. Легкая часть работы закончена. Пора выбираться отсюда, и хорошо бы живым.

Самый сложный этап отступления — первый: уйти подальше от тела. Потом миновать охрану у входа для слуг; если они не обратят на меня внимания, то можно будет считать, что все удалось, и я выйду из замка раньше, чем по нему разнесется весть о смерти владыки. Адреналин поет в моей крови, ладони покалывает, мурашки бегут по спине. Мое сердцебиение гремит у меня в ушах.

В левом глазу, на самом краю поля зрения, начинает мигать красный квадратик выхода. Я не обращаю на него внимания, привык, а он плывет у меня перед глазами, как световое пятно после того, как поглядишь на солнце.

Я уже иду к выходу, когда служебная дверь вдруг распаивается. Джемсон Таль, старший стюард, начинает говорить прямо с порога.

— Прошу прощения, ваше величество, — торопливо лопочет он, — но прошел слух, будто среди слуг затесался самозва...

Тут Джемсон Таль видит обезглавленный труп на кровати, потом меня и лишается дара речи — он сипит, вращает глазами, краснеет и ощеривается так, будто его душат. Одним прыжком я подлетаю к нему и с размаху ударяю его ногой в горло. Таль падает, точно мешок с камнями, и теперь задыхается по-настоящему; корчась на голом полу служебного прохода, он ногтями рвет себе горло, пытаясь вдохнуть, в чем ему препятствует сломанная гортань.

А я даже поднос не уронил.

Выход стерегут двое охранников, но с первым я справлюсь легко — по крайней мере, должен. Он вскрикивает и опускается рядом со стюардом на колени, глупец, как будто ему можно помочь. Что, интересно, он думает делать — прямой массаж сердца? Какой от него прок, когда Таль выхаркивает куски дыхательного горла? Зато второго охранника я замечаю не сразу. Он умен: прижался к стене и стоит, поджидая меня.

На обоих длинные кольчуги под красно-золотыми плащами. Из-под круглых шлемов-тазиков, усиленных стальными заклепками, спускаются на шею кольчужные капюшоны. Да, Тоа-Фелатон не жалел денег на дворцовую охрану. Значит, мои ножи бессильны против них. Но ничего, прорвемся — я уже вошел в раж.

Ожидание окончено, я снова счастлив.

Тут более умного охранника осеняет, и он начинает звать на помощь.

Я снимаю крышку с подноса и критически смотрю на Тоа-Фелатона. Его длинные волосы на треть пропитались кровью, однако черты лица почти не исказились, так что его легко узнать, даже несмотря на дырку в глазу. Подняв поднос примерно на уровень груди, я выставляю его перед собой. Крики «На помощь!» стихают так же внезапно, как если бы крикун получил стрелу в горло.

Пока та часть мозга охранника, которая отвечает за обработку внешних сигналов, справляется с тем фактом, что он видит отделенную от тела голову властелина, я выбегаю в служебный коридор; у меня есть две секунды, пока умник опомнится и скажет что-нибудь, кроме «Э-э-э?».

Тупой стражник, который все еще стоит на одном колене возле Таля, вдруг вскакивает и хватается за меч. Я швыряю поднос,

он с грохотом летит в одну сторону, голова катится в другую, я вцепляюсь в запястье тупицы, чтобы не дать ему выхватить меч, и с размаху бью его головой в нос. В ушах у меня звенит, зато нос Тупого превращается в кровавую отбивную, а глаза сходятся к переносице. Я локтями захватываю его покрытую капюшоном шею и бросаю его через себя так, что он отлетает назад и сбивает с ног Умного. Мягкая подкладка под кольчугой не помогла: еще отрывая его от пола, я услышал, как щелкнули, разделяясь, его позвонки. Он еще дергается в конвульсиях, когда я перескакиваю через Джемсона Талья, чтобы прикончить Умного.

И тут наступает миг посмертного торжества Теа-Фелатона — сладкая месть, и если он видел ее с того света, то наверняка получил большое удовольствие.

Я уже приземляюсь — прыжок был совсем небольшой, — но при этом смотрю только на Умного, который выкарабкивается из-под Тупого, и не вижу, что моя нога опускается прямо на голову Тоа-Фелатона.

Голова катится, я теряю опору и лечу вверх тормашками, прямо как Элмер Фадд.

В последний момент я ухитряюсь принять удар лопатками, а не шейей, и только тесный коридор спасает мне жизнь: Умный уже замахнулся на меня мечом, но он не учел того, что коридор совсем низкий, а потолок деревянный: клинок воткнулся в него острием и остался висеть. Мне надо откатиться в сторону, но мешает Джемсон Таль, который корчится в агонии рядом, и уж тут Умный все делает правильно. Он больше не размахивает мечом, а сначала обрушивает удар кулака мне на голову, затем изо всех сил бьет меня клинком в печень.

Меч в животе сильно мешает думать, и не только потому, что это больно, но и потому, что клинок зверски холодный. Сталь прямо источает холод, который растекается по телу, высасывая силу из ног. Примерно такое ощущение бывает, когда грызешь кубик льда, только ото льда стыннут мозги, а от меча — вообще все, и еще ты чувствуешь, как лезвие ворочается у тебя внутри, кромсая все подряд. Короче, как по мне, удовольствие ниже среднего.

А еще два фунта стали в животе нарушают распределение усилия заклятия, которое делает меня похожим на внуха-подростка. Магия гаснет, как потерявший питание монитор, электрический разряд ставит дыбом волосы у меня на шее, искры трещат в бороде.

И тут Умный зачем-то вытаскивает из меня меч, хотя мог бы повернуть его во мне, и все дела. Обычная ошибка молодого и неопытного бойца, за которую он сейчас дорого заплатит. Меч задевает ребра — ощущение смешанное, как будто тебе сверлят зубы без анестезии, а рядом кто-то скрипит мелом по классной доске. Темнота на миг застилает глаза. У меня вырывается стон, я содрогаюсь от боли. Умный принимает мою дрожь за агонию — значит точно неопытный.

— Тебе повезло, ублюдок, легкая смерть — подарок для такого, как ты! — бросает он.

На его глаза наворачиваются слезы — видимо, он оплакивает своего поверженного владыку, — и мне не хватает духу сообщить ему, что я полностью с ним согласен. Склонившись надо мной в тот миг, когда мое заколдованное лицо сменяется настоящим, он вытаращивает глаза и с почтительным трепетом в голосе говорит:

— Эй, да ты похож... ты прямо вылитый Кейн! Ты ведь он, да? Ну конечно, кто же еще мог... К'хул Всемогущий, я убил Кейна! Я стану знаменитым.

Как бы не так.

Носком правой ноги я, как крюком, цепляю его за лодыжку, а левой бью в коленку. Она с хрустом ломается, и стражник с воем рушится на пол бесформенной кучей. Слабое место любой кольчуги: хорошо защищает все, кроме суставов, особенно если гнуть их не туда, куда им определено сгибаться природой. Однако меч он не бросил: что ж, надо отдать ему должное, он не трус.

Одним прыжком, точно акробат, я вскакиваю на ноги, чувствуя, как что-то отрывается у меня внутри. Стражник снова тычет в меня мечом, но лежа это делать неудобно, так что он невольно замедляет движение, а я ладонями ловлю его меч за плоскость клинка и вышибаю его ударом ноги в запястье. Пока меч кувыркается в воздухе, я перехватываю его за рукоять и заносу над жертвой.

— Жаль, парнишка, — говорю я. — Из тебя вышел бы толк, останься ты жив.

Коротким замахом я бью его в верхушку уха под стальным шлемом. Кольчуга не дает лезвию пройти внутрь, но этого и не нужно: я отлично управляюсь с мечом, вот и сейчас одной только силы удара хватило, чтобы прикончить парня, раскроив ему череп.

Я беру минутную паузу, чтобы перевести дух и оценить свои шансы. Спина и живот мокрые, значит меч прошел насквозь; внутреннее кровотечение наверняка тоже есть. Шок наступит через десять минут плюс-минус, зависит от типа повреждений.

Десять минут, чтобы спуститься с восьмого этажа дворца Колхари, выскочить на улицу и затеряться в толпе Старого города Анханы, и все это с отрубленной башкой под мышкой. Тревогу уже подняли, я истекаю кровью, но это еще не причина бросить ее здесь. Башка нужна как доказательство, без нее мне не заплатят. Да и вообще, вид у меня такой, что даже с отрезанной головой в руках хуже не станет. Кровь течет по ногам спереди и сзади — такое не скроешь, везде, куда бы я ни пошел, за мной останется след. И тут я слышу топот — бегут люди, много людей, и обуты они в сапоги.

В левом верхнем уголке глаза снова начинает мигать красный квадратик выхода.

Ладно. Согласен. Пора сматываться.

Я тоже мигаю, синхронизируя движения век с пульсацией квадратика. Служебный коридор и мертвые люди в нем тают.

2

Хари Майклсон открыл глаза, когда представительница компании «Моторола» сняла с его головы шлем, и слегка скрипнул зубами, пока она медленно вытягивала из его шеи катетер с иглой для внутривенных инъекций — не больно, но все-таки неприятно. Прикрыв рот рукой с мозолистыми костяшками, он кашлянул, и девушка тут же поднесла ему бумажный стаканчик вместо плевательницы. Хари медленно, со вкусом потянулся, так что захрустели суставы, и сел, подавшись на край просмотрового кресла и упершись локтями в колени. Его прямые черные волосы взмокли от пота, глаза, почти такие же черные, как волосы, покраснели. Он отвернулся от девицы из «Моторолы» и спрятал лицо в ладони.

Она и ее помощница глядели на него щенячьими глазами, как будто просили милостыни, и ему стало тошно.

Из глубин огромного дивана, обтянутого настоящей телячьей кожей, раздался голос Марка Вайло:

— Ну, Хари? Как? Что скажешь?

Хари глубоко вдохнул, выдохнул, поскреб бороду, потер желтоватый шрам на крючковатом, дважды сломанном носу. Говорить не было сил. Втайне от всех он называл это посткейновским синдромом: сокрушительная депрессия, похожая на ломку наркомана, накрывала его каждый раз, когда он возвращался на Землю и опять становился Хари Майклсоном. Сегодня, правда, было не настоящее Приключение, а так, повтор записи трехлетней давности, но и этого хватило.

Хотя если уж быть честным, то до конца: дело не только в синдроме. В животе как будто открылась зияющая дыра, точно он глотнул кислоты и она прожгла его насквозь, прямо через шрам, который оставил на его печени меч Умного охранника. Ну почему из всех Приключений Кейна они выбрали именно это? Что он задумал, этот Вайло, черт его побери?

Привести его сюда и заставить пересмотреть именно эту часть «Слуги Империи», именно этот фрагмент — это ли не утонченная жестокость, это ли не попытка вроде той, когда свежую рану сначала посыпают солью, а затем выжимают в нее лимон? Боль рвала его изнутри, грызла, как крыса, забравшаяся в кишки.

В основном он справлялся, делал вид, будто эта мучительная боль, одолевающая его всякий раз при мысли о Шанне, была простым несварением желудка или язвой. Короче, прикидывался, что дыра у него в желудке, а не в жизни. Даже поднаторел в самообмане: несколько месяцев сам верил, будто забыл о Шанне и продолжает жить нормальной жизнью.

Хотя чему тут удивляться? Тренировка — великое дело.

— Хари? — Вайло приподнялся на диване. Голос звучал нетерпеливо, а это опасно. — Я жду. Давай выкладывай.

Хари с трудом вытолкнул из глотки слова:

— Это незаконно, Бизнесмен. Запрещенные технологии.

Представительница «Моторолы» ахнула, словно Свободная при встрече с эксгибиционистом:

— Уверю вас, данная технология разработана нашей фирмой совершенно независимо...

Вайло заткнул ее одним взмахом руки, в которой была зажата сигара «КонКристо», черная и толстая, как труба паровоза.

— Черт, Хари, а то я не знаю. За дурака меня держишь? Я спрашиваю: кайф есть?

Марк Вайло, мелкий, но боевитый, как бентамский петух, сам пробился наверх, в касту Бизнесменов. Лет ему было, мягко говоря, за шестьдесят, он был сед, кривоног и заносчив — и неудивительно, ведь он единолично владел контрольным пакетом акций компании «Вайло интерконтинентал», предположительно крупнейшего транспортного концерна в мире. Бог и судья в своем огромном поместье в предгорьях Сангре-де-Кристо, он с неумолимостью демиурга вершил карьеру и судьбу своего подопечного: суперзвездного Актера, которого все на свете знали под именем Кейн.

— Кайф? — Хари пожал плечами, вздохнул. Что толку спорить? — Да, штука забористая. Лучше только самому там побывать. — Он повернулся к представительнице компании. — Ваш нейрохимический ввод — это же подделка, да?

Та протестующе забублькала, но тут уже сам Хари оборвал ее на полуслове усталым:

— Да ладно, хватит.

Его даже порадовало, что сотрудница большой и знаменитой компании оказалась такой непроходимой дурой: будет теперь на что отвлечься на досуге, когда лицо Шанны и холодный упрек в ее глазах снова станут преследовать его. Сколько уже месяцев прошло, и он не может даже вспомнить, когда она ему улыбалась.

«Не отвлекайся, мудак», — мысленно прикрикнул он на себя.

Повернувшись к Вайло, он стал разминать затекшие плечи, надеясь хоть так вдохнуть немного жизни в свой голос.

— Смотри надуют они тебя, Бизнесмен. Эта хрень с мигающим квадратиком... как там они его называют? Синхроморгание?

Представительница «Моторолы» спряталась за сверкающим фасадом профессиональной улыбки:

— Это лишь одна из тех прорывных технологий, которые делают данный продукт уникальным на сегодняшнем рынке.

Хари не обратил на нее внимания.

— Короче, там надо задействовать мигательный рефлекс, чтобы выйти, — продолжал он. — И это не механическая пусковая схема. Она считывает импульс как обратную реакцию индукторов, то есть это уже чисто студийная технология, а ты сам знаешь — Студия офигительно серьезно относится ко всякой такой хрени. И нейрохимический ввод здесь чисто для камуфляжа. Так вводят только снотворное, да и то не всякое, если хочешь знать.

Короче, чистая подделка, от начала и до конца. Все ощущения воспроизводятся тем же прямым нейронным впуском, который Студия использует в своих креслах для первых пользователей, — только тут они его нагнули до предела. Знаешь, как там смердело, когда я отрезал Тоа-Фелатону голову? Вживую так не воляло. И уровень адреналина задрали так, что я чуть не помер — думал, задохнусь. Да, и еще меч ворочается в кишках слишком больно.

— Но-но, Артист Майклсон... — зачастила представительница, тревожно переглядываясь с помощницей. — Мы должны достоверно воссоздать реальность, иначе нам не поверят...

Хари медленно встал: посткейновский синдром как будто смягчил ему все кости, и он лишь усилием воли держал голову прямо. Однако к нему вернулось еще кое-что от Кейна: отрывистая манера говорить, потаенная угроза в голосе и в ледяной черноте глаз.

Приподняв край туники, он показал девушке два симметричных шрама, один спереди, другой сзади, — след меча, которым Умный стражник проткнул ему печеньку три года назад.

— Видишь? Они настоящие. Пощупать хочешь? Так кому лучше знать, тебе или мне?

— Господи, Хари, не будь таким занудным засранцем, — сказал Вайло и снова взмахнул сигарой в сторону представительницы, теперь как бы утешая ее. — Не обращай на него внимания, девочка. Ничего личного, он со всеми такой.

— Говорю тебе, — безжизненным тоном продолжал Хари, — они там напортачили. Если бы меч скребнул меня по ребрам так же больно и в первый раз, я бы вырубился на пару секунд там же. От такой боли можно только стонать, визжать, корчиться или сразу вырубаться. И пока я бы там валялся, тот ублюдок-охранник воткнул бы свой меч прямо мне в горло. Ясно?

Он протянул руку к Вайло и вздохнул:

— Хочешь вложиться в собственные технологии — твое дело. Но я бы на твоём месте не связывался с придурками, которые даже индукционный шлем настроить как следует не могут.

Вайло усмехнулся:

— Никуда я не вкладываюсь, Хари. Я покупаю эту хрень для себя, точка. Даже такой динозавр, как «Моторола», не смеет свободно продавать технологии, копирующие эффекты Студии. А я хочу себе такую штуку, чтобы побаловаться кубиком-другим

на досуге, не валяясь каждый раз по две недели на койке, как все первоочередники.

— Ну, как знаешь... Дело твое.

— Хари... — вкрадчиво сказал Вайло, суя в рот сигару. — Не забывайся.

Легкий холодок пробежал по спине Хари в паузе, которая последовала за предостережением Бизнесмена. Представительница компании опять переглянулась с ассистенткой. Вайло, не скрываясь, кивнул на них, словно хотел сказать: «На людях веди себя прилично, сынок».

Хари угрюмо опустил голову.

— Извини, Бизнесмен, — буркнул он. — Я зарвался. Но у меня есть еще один вопрос, если позволишь.

Вайло кивнул снисходительно, как подобает хозяину, и Хари обратился к девушке:

— Те кубики, которые проигрывает это кресло, — это ведь не стандартные студийные записи. По крайней мере, не похоже — стандартные кубики не несут информации о запахе, прикосновении, боли. И вряд ли ваши индукторы в состоянии считывать прямо из нейрохимического канала, а еще компенсировать разницу во времени, следить за дозой и все такое. Вы что, нашли где-то подпольного мастера?

Представительница «Моторолы» нацепила свою лучшую корпоративную улыбку и сказала:

— К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос. Но по условиям контракта Бизнесмен Вайло получит кубики, полностью отвечающие данному оборудованию...

— Довольно, — с отвращением перебил ее Хари и повернулся к Вайло. — Значит, дело обстоит так. Эти идиоты нашли в лаборатории Студии другого идиота, который продает им контрабандные копии. А это значит, во-первых, что ты будешь получать необработанный продукт. То есть Приключение, которое длится две недели, ты будешь переживать в этом кресле в течение двух недель. Никакой разницы с Кавеа, только там ты лежишь в койке, а здесь будешь все время сидеть. И учти, что в этом кресле отсутствует система реакции на движение и нет канала подачи параллельной информации и питания. Во-вторых, они будут непрерывно скармливать тебе контрабанду. То есть между тобой и поставщиком образуется канал связи, и рано или поздно этого придурка со Студии поймают и переделают в киборга. Но еще

до того, как он станет Рабочим, студийные копы размотают весь клубок его связей, а информацию передадут друзьям в правительстве. И тогда в твою дверь постучат уже не корректные парни из отдела уголовных расследований, потому что это будет квалифицироваться уже не как техническое правонарушение. Речь будет идти об интеллектуальной собственности и нарушении закона об авторском праве, так что тебя будет ждать встреча с Социальной полицией. А у них даже ты, Бизнесмен, не захочешь оказаться на крючке.

Вайло откинулся на диване и положил голову на подушку, которая тут же приняла форму его затылка. Выпустив облако другого черного сигарного дыма, он вдруг выпрямился и с усмешкой, от которой гусиные лапки у глаз стали еще заметнее, сказал:

— Хари, ты до сих пор думаешь, как бандит, ты это знаешь? Двадцать лет прошло, а ты как был, так и остался в душе уличным отморозком.

Хари растянул губы в невеселом подобии улыбки: он не знал, к чему клонит патрон, а спрашивать не хотелось.

Вайло продолжал:

— Прогуляйся к пруду, охладись, а я пока тут закончу.

Хари подумал, что было время, когда он счел бы оскорблением не хуже пощечины, если бы кто-то выставил его посреди разговора из комнаты, как малолетку. Теперь он только удивился, и то несильно: было странно думать, что он все еще живет, работает, занимается какими-то делами и даже прикидывается, что в этом есть смысл.

Но в том-то и дело, что во всем этом не было ничего, кроме притворства. Как и в Кейне.

Без Шанны мир опустел, и все в нем стало ему безразлично.

Он кивнул Вайло:

— Конечно. Увидимся.

3

Хари бродил по залитому солнцем каменному кругу, внутри которого искрился пруд, питаемый двумя совершенно одинаковыми водопадами. Творец этого уголка потрудился на славу: лишь едва уловимый запах хлорки да убежденность в том, что природа никогда бы не расположила камни с таким глубоким

вниманием к удобству человека, выдавали его искусственное происхождение.

Хари ходил взад-вперед, садился, вставал. Пару раз он порывался отправиться в пустыню, навстречу пронизывающему ветру и бесплодным кучам шлака и отходов с окрестных шахт, но каждый раз на границе искусственного оазиса Вайло он останавливался, возвращался к пруду, и цикл начинался снова. Хари задумчиво глядел на покрытую токсичной грязью пустыню, представляя, как бредет по ней между кучами промышленных отходов и каждый шаг приближает его к мертвым скалам на горизонте. Да, вряд ли скитания по отравленным пустошам принесут ему облегчение, но и хуже ему от них не станет, это он знал наверняка.

«Да не переживай ты так, — говорил он себе снова и снова. — Не умерла же она, в самом деле». И каждый раз что-то темное в глубине его души отзывалось — а может, лучше бы умерла. Или если бы умер ты.

Если умрет она, его раны начнут затягиваться; если умрет он, то ему будет все равно.

Черт, ну где там Вайло?

Хари терпеть не мог ждать, всю жизнь. Когда ждешь, волея-неволей начинаешь думать, а в жизни Хари было слишком много такого, о чем он предпочитал даже не вспоминать.

Он завертел головой в поисках чего-нибудь, чтобы отвлечься. Взгляд с надеждой остановился на искусственном утесе, по которому стекал водопад, — может, подъем по скользкой от воды пятидесятифутовой каменной стенке поможет ненадолго забыть о Шанне?

Такой тактики он придерживался со дня их развода: заниматься делом. Не давать себе думать. Вернее, думать о чем угодно, только не о ней. И эта тактика ни разу его не подводила, она работала. С ней он проводил целые часы и даже дни, а один раз прожил неделю без единой мысли о Шанне.

Но беда в том, что он всегда был хорошим тактиком и никуда не годным стратегом. Вот и сегодня он чувствовал, что, выиграв все битвы, проиграл войну.

Да и скала не поможет: его натренированный взгляд уже выхватывал на ее поверхности бесчисленные трещинки и впадины, в которые так удобно ставить ноги и цепляться за них руками, что у него не осталось сомнений — их оставили там не случайно. Скала предназначена для лазания, а значит, он с голыми руками

поднимется на ее вершину быстрее, чем большинство людей залезли бы туда даже по веревочной лестнице.

Он с отвращением потряс головой.

— Эй, Кейн! — услышал он девичий голос из пруда. — Иди к нам, поиграем!

В пруду плавали, брызгались и в шутку топили друг друга две вездесущие девицы из «Вайло интерконтинентал», которых нанимали для вечеринок. Длинноногие, худощавые, спортивные, с безукоризненными зубами и такими же грудями, они имели только одно предназначение — развлекать и удовлетворять гостей Вайло. Эти две были просто ошеломительно красивы. Хирургический глянec был частью их бонусной программы на пять лет службы у Вайло, после чего они получали свободу и отправлялись искать свое счастье в других местах. Они явно заигрывали с Хари, выставя то попку, то бедро или грациозно изгибая покрытую ровным загаром спину так, чтобы сосок мелькнул над водой. Их чары, пожалуй, подействовали бы на него, не будь они так нарочиты.

Но вот та, что окликнула Хари, скользнула за спину второй и привлекла ее к себе; одна ладонь чашечкой накрыла грудь, вторая скользнула под воду, в область паха. Наклонив голову, девушка целовала плечо партнерши, не сводя зовущего взгляда с Хари.

Он вздохнул. Прыгнуть к ним, что ли? Что плохого в сексе с девчонками для увеселений? В отличие от охотниц на звезд, которые имеют привычку путаться у него под ногами, куда бы он ни пошел, профессионалки всегда честны. Они не притворяются, будто он им безразличен, а ему не надо притворяться, будто они безразличны ему.

Несколько лет назад он уступил бы соблазну. Но теперь, когда он узнал, что значит любить и быть любимым, когда понял истинный смысл старого избитого выражения «заниматься любовью», он не мог. Ему стало неинтересно. Трахать этих девиц — все равно что совать член в дырку от сучка в доске: трудоемкая и болезненная разновидность мастурбации.

Из-за спины Хари возник слуга в жилете, подпоясанный широким кушаком, с подносом в руке. На подносе стояла крошечная порция виски.

— Лафройг, не так ли?

Хари кивнул и взял виски.

Содержание

ГЕРОИ УМИРАЮТ. *Роман*

Пролог	15
День первый	45
День второй	117
День третий	204
День четвертый	270
День пятый	390
День шестой	454
День седьмой	563
Эпилог	633
В ТОСКЕ. <i>Рассказ</i>	641
Интервью с Мэтью Стовером	657